

УДК 94 (47)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-109-121

Сергей Андреевич Чернышов,
Национальный исследовательский
Томский государственный университет
(г. Томск, Россия),
e-mail: 1502911@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Реконструкция мотивов и целей первых колонизаторов Сибири по материалам освоения русскими Дальнего Востока

В статье реконструируются отдельные характеристики субъектов первоначальной колонизации Сибири и Дальнего Востока и эпизодов их продвижения на новые земли. Основным методологическим подходом исследования является принцип историзма, а также принцип «деятельность конституирует», распространённый в психологической науке, согласно которому идентичные деятельности и внешние условия должны порождать схожие системы мировоззрения. На основании этой предпосылки обосновывается возможность суждений по аналогии в отношении мотивов и целей первых колонизаторов Сибири на материалах освоения русскими Дальнего Востока. Дальневосточные первопроходцы, в отличие от первых колонизаторов Сибири, оставили значительное количество материалов личного происхождения, что позволяет реконструировать их замыслы и мотивы в широком социально-политическом контексте. Перед основным анализом рассматривается набор распространённых штампов, героизирующих первопроходцев. Это, прежде всего, представление о первых колонизаторах Сибири и Дальнего Востока как исполнителях некоей «имперской воли», а также крайности в описании мотивов первопроходцев: от чрезмерной романтизации до сведения движущей силы их походов к «жажде наживы». Делается вывод о необходимости отказа от упрощённых представлений о мотивах и ценностях покорителей Сибири и Дальнего Востока. Используя отдельные методы коммуникативистики, на основе материалов личного происхождения автор рассматривает стратегии использования идеи «государственного блага», а также легитимизации отдельных действий первопроходцев через нагнетание фактора внешней угрозы. Эти аргументы колонизаторы используют в качестве оправдания собственных действий на востоке. При этом предпринимаемые ими акты колонизации имеют авантюристический оттенок, характеризующийся действиями с явно выраженной эмоциональной составляющей принимаемых решений. Отдельно рассматривается проблематика взаимоотношений с аборигенами. Делается вывод о несостоятельности идеи «мирной крестьянской колонизации», имеющей цивилизаторское значение для местного населения, а также о вполне осознаваемой первопроходцами условности перехода аборигенов под власть московского правительства.

Ключевые слова: Сибирь, мотивы колонизаторов Сибири, Дальний Восток, колонизация, присоединение Сибири, Атласов, Муравьев-Амурский, Невельской

Благодарность: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19 «Конструирование социально-политических смыслов в коммуникативных практиках центральной власти в период присоединения Западной Сибири к Русскому государству».

Sergey A. Chernyshov,
National Research Tomsk State University
(Tomsk, Russia),
e-mail: 1502911@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>

Reconstruction of the Motives and Goals of the First Colonizers of Siberia Based on the Materials of the Russian Colonization of the Far East

The article reconstructs individual characteristics of the subjects of the initial colonization of Siberia and the Far East and episodes of their advance to new lands. The main methodological approach of the research is the principle of historicism, as well as the principle of “activity constitutes”, widespread in psychological science, according to which identical activities and external conditions should give rise to similar worldview systems. On the basis of this premise, the possibility of judgments by analogy is substantiated in relation to the motives and goals of the first colonizers of Siberia based on the materials of the development of the Far East by the Russians. On the basis of materials of personal origin, the author examines the strategies of legitimizing individual

© Чернышов С. А., 2021

actions of the pioneers through forcing the factor of external threat, as well as using the idea of "state good". The colonialists use these arguments as a justification for their own actions in the east. At the same time, the acts of colonization undertaken by them have an adventurous connotation characterized by actions with a pronounced emotional component of the decisions made. The problems of relations with aborigines are considered separately. It is concluded that the idea of "peaceful peasant colonization", which has a civilizing significance for the local population is untenable, as well as the conventionality of the transition of the aborigines under the authority of the Moscow government, which is fully realized by the pioneers.

Keywords: Siberia, the Far East, colonization, annexation of Siberia, motives of the colonizers of Siberia, Atlasov, Muravyov-Amursky, Nevelskoy

Acknowledgment: the study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project no. 19-39-60002\19 "Socio-political meanings construction by the communicative practices of the central government during the annexation of Western Siberia to the Russian state".

Введение. Первоначальный этап колонизации русскими Сибири, который традиционно связывают с деятельностью Строгановых, походом Ермака, покорением Сибирского ханства и строительством первых русских городов за Уралом, является одним из самых противоречивых эпизодов в отечественной истории.

С одной стороны, он характеризуется незначительным количеством эмпирического материала, который, кроме прочего, стал накапливаться со значительным запозданием. Так, системное археологическое изучение ключевых эпизодов первоначального присоединения Сибири к Русскому государству началось только во второй половине XIX в. – скажем, начало раскопок на Чувашском мысу, месте биты Ермака с войском хана Кучума, датируется только 1878 г., а раскопки на месте столицы Сибирского ханства Искера начались ещё на десятилетие позже [1, с. 138]. В 1889 г. тобольский губернатор В. А. Тройницкий, отвечая на запрос Археологической комиссии о состоянии дел в части археологического изучения края, предельно откровенно признавался: «В курганах в большинстве случаев роются промышленники, старающиеся найти или ценные предметы, или кости допотопных животных»¹. В этом смысле по сей день актуальной остаётся мысль управляющего строгановскими имениями в Перми Ф. А. Волегова, которую он выразил ещё в 1833 г.: «Одно из самых тёмных мест в Русской истории есть завоевание Сибири»². Даже ключевые характеристики похода Ермака в Сибирь нам доподлинно так и неизвестны: например, летописи оценивают численность войска Ермака с разницей на порядок – от 540 до 6 тысяч человек [2, с. 215].

¹ Архив Института истории материальной культуры (ИИМК). – Ф. 1. – Оп. 1889. – Д. 93.

² Государственный архив Пермского края (ГАПК). – Ф. 672. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 16.

Фактически отсутствуют не только материалы личного происхождения первых лидеров колонизации Сибири, но и стройное коммуникационное оформление этого события, легитимизирующая основа в официальных документах. Если после похода Ивана Грозного на Казань митрополит Макарий, встречая царя в Москве, вписывает это деяние в один ряд с подвигами Александра Невского и Дмитрия Донского [3, с. 226], то покорение Сибири остаётся как бы за границей внимания коммуникативных практик московского правительства. Отправной точкой для дискуссии по поводу легитимизации и оценок присоединения Сибири традиционно считается «опальная» грамота царя Ивана Васильевича Максиму и Никите Строгановым: «А не вышлете изъ остроговъ своихъ в Пермь волжскихъ казаковъ, Атамана Ермака Тимофеева... Намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая» [4, с. 5]. Однако почти одновременно, уже в августе 1585 г., в инструкции русским послам в Швецию появляется иная официальная трактовка событий «за Камнем»: «и государь нашъ... позволиль на Сибирь идти казакомъ, и казаки государевы, исх Перми шодъ, Сибирское царство взяли, и Сибирский царь Кучюмъ убежал в поле, и ныне государь на него послалъ рать свою» [5, с. 414].

Одновременно с этим в конструирование мотивов первых колонизаторов Сибири вплетаются и религиозные мотивы, согласно которым Ермак – православный воитель, деяния которого призваны доказать сибирским аборигенам торжество «истиной веры»: «бе бо от Ермакова тела и от платья чудотворение, болезненным исцеление, родительницам и младенцем на отгнание недугом, на войне и в промыслах удача. Се же видев обызы и мурзы, что закон их скверен (курсив мой – С. Ч.) и предстаёт чудотворение, запретиша всем от мала и до велика же помянуть имя Ермаково» [6, с. 346]. Наконец,

свой вклад в реконструкцию целей и смыслов первоначальной колонизации Сибири вносит и народная традиция, где стабильно транслируемым смыслом на протяжении нескольких веков является стремление Ермака и его товарищей к созданию в Сибири «народной вольницы» [7, с. 5].

Таким образом, налицо наличие явной исследовательской лакуны, связанной с мотивами и целями первых колонизаторов Сибири. Этот казус в сибирской историографии, связанный как с ограниченным и противоречивым кругом источников, так и с отсутствием явных установок в официальных правительственных коммуникациях, исследователи пытались решить начиная с XVIII в. К таким попыткам следует отнести «Историю Сибирскую» С. У. Ремезова, первые «Сибирские» летописи, наконец, первые академические сочинения, посвящённые исключительно походу Ермака, появившиеся в конце XVIII в. [4, с. 6].

Символическим началом академической дискуссии о целях и мотивах первых колонизаторов Сибири можно считать заседания исторического собрания Академии наук 3 и 6 июня 1748 года, на которых рассматривались различные версии интерпретации похода Ермака в Сибирь: «Господин профессор Ломоносов мнит, что подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал Сибирь или для всероссийского самодержца, однако сие правда, что он потом поклонился ею всероссийскому монарху того раде, буде оные рассуждения, которые об его делах с некоторым похулением написаны, не могут быть применены, лучше их выкинуть» [8, с. 44].

Для «отца-основателя» сибирской историографии Г. Ф. Миллера при этом не вызывает сомнения, что «Ермак с самого начала не верил в успех [похода]» [2, с. 215], в этом смысле поход, по его мнению, следует оценивать как военную авантюру. Схожей версии придерживался и другой классик – С. В. Бахрушин, назвавший поход Ермака «взятием с боем ясака», что «имело неожиданный успех» и «не имело цели завоевание Сибирского ханства» [9, с. 144]. В целом же советские историки в основном воздерживались от реконструкции мотивов и целей первых колонизаторов Сибири, ограничиваясь идеологическими построениями о «мирном и крестьянском присоединении края». Во многом эта традиция продолжается и в современной историографии, которая тради-

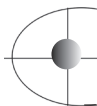
ционно обходит стороной вопросы анализа целеполагания первых лидеров сибирской колонизации – прежде всего, в силу недостаточного количества эмпирического материала.

Напротив, покорение русскими Дальнего Востока, отстоящее от похода Ермака на несколько столетий, детально зафиксировано в документах личного происхождения, позволяющих составить портрет первых колонизаторов восточной окраины континента. В. В. Атласов, Г. И. Шелихов, Г. И. Невельской, Н. Н. Муравьёв-Амурский – все они, а также другие менее известные персонажи русской колонизации Дальнего Востока оставили оригинальные тексты о своей деятельности. Реконструкция мотивов первых колонизаторов Дальнего Востока, как правило, находится вне интересов историков. Современных исследователей интересует, скорее, более поздний этап, связанный с крестьянским заселением края в конце XIX – начале XX в. [10; 11].

Вместе с тем, если предположить, что в схожих территориально-географических и природно-климатических условиях на больших пространствах с низкой плотностью населения стратегии и тактики колонизации должны быть идентичными, дальневосточные материалы могут служить базой для реконструкции мотивов первопроходцев Сибири. Такой подход отличается новизной и, как представляется, может позволить привнести новые аргументы в дискуссию о целеполагании и личных взглядах первых колонизаторов Сибири.

Методология и методы исследования. Основным методологическим подходом в данном исследовании является сочетание принципов историзма и принципа взаимной детерминированности образа мира и образа жизни человека. Первый принцип предполагает изучение явлений и событий в их исторической ретроспективе и в контексте связей с конкретными условиями среды – как природно-географическими, так и социокультурными. Второй принцип сформулирован в отечественной психологии несколько десятилетий назад и сводится к тезису «деятельность конституирует» структуру психического [12].

Согласно подходу, сформулированному А. Н. Леонтьевым, у человека существует иерархизированная система актуально реализуемых, соответствующих мотивам

деятельностей. Схожим является термин «индивидуальный образ жизни», введённый В. П. Серкиным и определённый им как «система деятельностей, которые человек актуально реализует как субъект [...] и которые], детерминируется и образом мира, и планом реальных взаимодействий» [13, с. 97]. Другими словами, те, кто живёт и действует в одинаковых условиях, в значительной степени должен иметь схожую систему мировоззрения. Сложно не согласиться с тем, что социально-географические, природно-климатические, демографические и иные характеристики Сибири и Дальнего Востока (такими, которыми их увидели первые колонизаторы) являются принципиально схожими. Это даёт основание полагать, что возможна двусторонняя реконструкция: как одинаковые мировоззренческие установки означают одинаковую структуру деятельностей, так и схожая структура деятельностей порождает идентичные установки. Таким образом, материалы личного происхождения первопроходцев Дальнего Востока возможно использовать для реконструкции целей и мотивов первых колонизаторов Сибири.

В дополнение к этим методологическим предпосылкам в исследовании применяются методы коммуникативистики, рассматривающей взаимосвязи социальных коммуникаций и условий жизнедеятельности человека и общественных институтов. При этом в исследовании коммуникаций не ставится задача проанализировать их связь с некоторой «реальностью», а предпринимается попытка структурировать коммуникации как самоценный объект исследовательского интереса в рамках концепции Ю. М. Лотмана о широко понимаемом тексте как пересечении точек создателя, аудитории и определённых структурных признаков – «сигналов текста» [14, с. 178–179]. Другими словами, автору известно, что освоение Сибири или Дальнего Востока являлось сложноустроенным процессом, в котором участвовали несколько ведомств с различными интересами и концепциями, однако в задачи данного исследования не входит сопоставление коммуникативных практик главных героев первоначальной колонизации востока страны и всего социально-политического процесса, который сопровождал это движение. Указанные коммуникативные практики, выраженные, прежде всего, в материалах личного происхождения, являются для це-

лей данной работы самоценным объектом исследовательского интереса и используются для реконструкции внутренних мотивов и целей самих колонизаторов.

Понятия «колонизация», «освоение», «присоединение» и другие аналогичные используются в статье как синонимы. Автор употребляет понятие «колония» в традиционном смысле как “a country or area controlled by a more powerful country”¹. Сибирь и Дальний Восток являются в рассматриваемом периоде несомненными колониями России как территории, попавшие, в конечном счёте, под власть более сильной державы [15–17]. При этом автор разделяет мнение Я. Кусбера, что в отличие от европейских держав присоединение Сибири и Дальнего Востока критическим образом влияет на самовосприятие российских монархов, конструируя Московское царство в сторону имперской России² [18]. Другими словами, некорректным является прямой перенос концепции «колонизации» в западном понимании на почву Сибири и Дальнего Востока. Эта дискуссия находится далеко за пределами исследовательских границ данной статьи, поэтому здесь ограничимся только упоминанием о тождестве упомянутых в работе понятий.

В исследовании используются материалы личного происхождения, официальные документы, а также данные из иных исторических и краеведческих источников. Для проведения реконструкции применяются методы исторической компаративистики, анализа, типологизации с учётом хронологически-проблемной иерархии.

Результаты исследования и их суждение. У покорения Сибири и освоения Дальнего Востока много общих структурных характеристик – и речь здесь не про расхожую идею о «единожды развёрнутой колонизации, начавшейся с Урала и закончившейся на берегах Тихого океана». Во-первых, в обоих случаях отсутствуют стройные официальные (или хотя бы системно проработанные историографические) версии легитимизации этих масштабных эпизодов отечественной истории. По выражению дальневосточного исследователя Б. А. Дьяченко,

¹ Cambridge Essential Dictionary. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 25.05.2021). – Текст: электронный.

² Kusber J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. – 2008. – No. 4. – Pp. 52–74.

«всё какая-то стеснительность бытует, всё чего-то боимся и потому не только о губернаторах или там о воеводах каких – о казаках-первопроходцах говорим с неохотою, почти сквозь зубы» [19, с. 18]. Во-вторых, значительная часть локальной официальной документации утрачена: как материалы Сибирского приказа, так и многие архивы Российско-американской компании, архивы Г. И. Шелихова и М. М. Булдакова [20].

В силу этих двух обстоятельств главную роль в сотворении образов ключевых героев в Сибири и на Дальнем Востоке играет локальная историческая память, транслирующая стабильные (от столетия к столетию) идентичные образы идеальных «народных» героев, противостоящих государству. Вот, например, характерные цитаты из современных дальневосточных СМИ о губернаторе Н. Н. Муравьеве-Амурском: «Муравьеву... был введом самый тяжкий из трудов для государственного деятеля – честного приобретения»; «дважды, предвидя бесплатность сыра в мышеловке и вред Отечеству, отбросил ползучие американские предложения [о создании Амурской компанейской железной дороги]». Вот краеведческие данные с Урала конца XIX – XX в.: «О Ермаке я знаю только то, что бабушка рассказывала: по Чусовой плыли лодки, а в них сидели в красных рубахах гребцы...» [21, с. 36] (из воспоминаний Капитолины Михайловны Керкиной, 1896 г. р.); «расспросишь и окажется, что легендарный герой [Ермак] наш должен был жить по крайней мере триста лет – столько у него подвигов» (из воспоминаний В. И. Немировича-Данченко, побывавшего на Урале в 1875 г.) [22, с. 118].

Параллели героизации выглядят вполне очевидными. Однако в силу этого в локальной исторической памяти, как и в оригинальных документах личного происхождения рассматриваемого периода, слишком много тенденциозного «шума» и героических образов, имеющих мало общего с реальными противоречивыми историческими персонажами. Весь спектр этого «шума» состоит из нескольких больших блоков.

Первый – это выстраивание сонма героев, реализующих на востоке страны некую «имперскую волю». Когда Н. Н. Муравьев-Амурский совершил первый сплав по Амуру, хяктинский купец Ксенофонт Кандинский 27 апреля 1854 г. поднёс ему стихи следующего содержания: «Отъезд твой скорый

предвещает / Сибири новую зарю / Он свежи лавры обещает / Руси и Белому царю» [23, с. 239]. «Появление Муравьева в Сибири, по рассказам современников, было как бы громом, который прогремел после нависшей мрачной тучи над Сибирью, – рассеял эту тучу и очистил воздух. Муравьев, по своей честной натуре, круто положил конец всем хищениям и всякого рода многочисленным злоупотреблениям» [24], – пишет автор конца XIX в. Отсылка к стремительно героизирующемуся в XIX в. образу Ермака и вовсе занимает общее место в отношении разных героев покорения Дальнего Востока: по некоторым данным, Н. Н. Муравьев-Амурский сам видел себя продолжателем дела Ермака, Атласова же (как принято считать, с подачи А. С. Пушкина) почти всегда называют «камчатским Ермаком»¹.

Второй блок – романтизация самой идеи первооткрывателей новых земель, а также образов каждого конкретного первопроходца. Особенно актуальными эти идеи стали во второй половине XX в., явно находя пересечения с современными авторам таких текстов процессами. В феврале 1961 г. в «Комсомольской правде» вышла статья о лекции члена крайкома КПСС И. Ф. Ковалева, прочитанной в клубе поселка Атласово Камчатской области, в которой идея параллелей между советским и казачьим освоением края проявляется более чем отчётливо: «И вот теперь, – подчеркнул лектор, – в эти места пришли лесозаготовители, пришли не с топором, с а тракторами, бульдозерами, бензопилами. И мужества, и отваги у них не меньше, чем у первых русских землепроходцев»².

Наконец, третий блок – противоположный по смыслу набор штампов, общая идея которого состоит в том, что в целях «наживы» значительные массы авантюристов двинулись «за Урал» и «стихийно» дошли таким образом до Тихого океана. Общая схема такого подхода известна ещё с конца XIX в.: вначале некоторое количество людей узнаёт об «изобилии» на востоке (например, пушном изобилии [25, с. 1]); затем первые насельники «смело и безостановочно врубаются в дикие леса» [26, с. 16; далее

¹ Жилкин М. Я. Камчатский Ермак. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. – 247 с. – С. 4.

² Васильев В. На берегу таежной реки // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. – Владивосток: Дальнаука, 2007. – Т. 5, ч. 2. – С. 137.

официальные правительственные лица, до этого момента не участвующие в освоении той или иной территории, «после удачного завершения похода» являются и «объявляет о присоединении новой земли к владениям государя» [27, с. 3].

Представляется, что эти три блока (сознательная героизация, романтизация и акцент на стихийности первоначальной колонизации) хотя и являются доминирующими в локальных источниках, однако не имеют значительной ценности для реконструкции мировоззрения первых колонизаторов Сибири и Дальнего Востока. Критика такого рода «шума» встречается как у историков, так и у краеведов региона. Так, Н. А. Троицкая по итогам изучения документов РГИА Дальнего Востока отмечает: «Беглый взгляд на региональную историографию легко выявляет кумиров, уже покрытых бронзой и постепенно перестающих быть живыми людьми... Практически мы имеем дело с историографическим фактом, впитавшим не столько данные источников, сколько исследовательскую интерпретацию» [28]. Историк Б. Полевой, вспоминая, как в 1970-е гг. ему предложили написать книгу о русских землепроходцах XVII в. на Дальнем Востоке, резюмирует: «Понял, что в создавшейся тогда обстановке регионального культа Хабарова мне не дадут сказать полную правду»¹. Проблема существования «региональных культов» является российской особенностью – напротив, в Западной Европе и Северной Америке осуждение подобного рода проявлений героизации колонизаторов², как и уничижительного отношения к аборигенам, началось ещё в середине XIX в. [29].

Предположить, что герои первоначального покорения Сибири и Дальнего Востока действительно линейно мыслили только лишь простыми категориями наживы, романтизма приключений и исполнения «имперской воли», невозможно ещё и потому, что в отличие от тех же Ермака и Строгановых, колонизаторы Дальнего Востока оставили после себя тексты личного происхождения. Например, «Скаска» Владимира Атласова о его походе на Камчатку в 1697–1699 гг., совершенно не оставляют сомнений в сложноустроенной мотивации и необходимости «человеческого измерения» первопроех-

цев востока. «Скаска» Атласова, если не знать, что их написал сборщик ясака, можно принять за отчёт академической экспедиции натуралистов, поскольку текст изобилует детальным описанием природы края и её представителей: «А в Курильской земле зимою у моря птиц уток и чаек много... а в Камчатской и Курильской земле ягоды брусника, черемуха, жимолость величиною меньше изюму... а деревья растут – кедры малые, величиною против можжевельнику, а орехи на них есть»³ (записано 10 февраля 1701 г.).

Трудно себе представить, скажем, Ермака (по крайней мере, судя по сформированному летописцами и историками образу), который записывает такие наблюдения – об утках, жимолости и орехах. Однако условия существования отрядов Ермака и Атласова, как и принципиальные цели их походов, были схожи – известный нам образ Ермака следует считать излишне упрощённым.

Следует отказаться от идеи линейного восприятия действительности колонизаторами Сибири и Дальнего Востока, сводя её к схеме «стимул – действие» (например, «пушное изобилие» – движение на восток). На дальневосточных материалах мы видим, что, прежде всего, свои действия на новых территориях они пытаются легитимизировать в глазах правительства посредством устойчивой схемы аргументации, в основе которой лежит утверждение о внешней или внутренней угрозе, а также классическое противопоставление «агрессивные они – миролюбивые мы».

Доминирующей концепцией, которую дальневосточные деятели считают достаточной для легитимизации своих действий, является фактор внешней угрозы как стимула к решительным действиям для ее нейтрализации. В записке «Причины необходимости занятия устья р. Амура и той части острова Сахалин, которая ему противолечит...» 1849 г. Н. Н. Муравьев прямо говорит о выгоде для него стратегии преувеличения угрозы со стороны Англии [23]. Та же мысль повторяется в его письме Е. Ковалевскому, датированном октябрём 1858 г.: «Предлог (выделено мною – С. Ч.) у нас с китайцами будет всё тот же, чтоб

¹ Полевой Б. Не солги! (Заметки историка) // Дальний Восток. – 2015. – № 1. – С. 209.

² Cooper J. F. The Deerslayer, or The First Warpath. – Chicago, 1841. – 805 p.

³ Атласов В. «Скаска» о походе на Камчатку в 1697–1699 гг. Записаны со слов Атласова в 1700 и начале 1701 гг. в Якутске, Москве и в Сибирском приказе // Камчатский Ермак. – Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2011. – 247 с. – С. 59.

англо-французы не захватили какой-нибудь бухты между Кореею и нашими владениями, и потому лучше, чтоб весь берег до Кореи был наш»¹ (речь идёт об определении границы между Россией и Китаем по Уссури). Схожие опасения в августе 1853 года высказывает градоначальник Кяхты Ребиндер в разговоре с пограничным амбаном (губернатором) Бейсе – только уже в отношении угрозы со стороны Америки [30, с. 11]. Чиновник российского МИДа Я. О. Ламберт в 1817 году писал, что если правительство не начнёт осваивать Камчатку, то она станет предметом влияния «какой-нибудь предприимчивой державы»². Список можно продолжать, однако уже вполне понятно, что риторика о внешней угрозе является доминирующей в локальных коммуникациях рассматриваемого периода.

Оговоримся коротко, что, как показали события 1855 г., эта риторика не имела ничего общего с действительностью. Осада Петропавловска стала единственным эпизодом, который хоть как-то может подтвердить значимость фактора внешней угрозы, поскольку английские военные корабли, хотя и показывались в Татарском проливе, так и не заходили в устье Амура, и уж тем более не развёртывали сухопутных операций [31, с. 30]. Однако вне зависимости от реальности внешней угрозы (анализ такого рода находится вне исследовательских границ данной работы), необходимо констатировать, что этот фактор является значимым для системы коммуникаций первых колонизаторов Дальнего Востока и активно используется ими для легитимизации собственных действий.

Наряду с внешней упоминается и «внутренняя угроза» – потенциальная возможность сепаратного движения в восточных регионах. Уже упомянутый кяхтинский градоначальник Н. Р. Ребиндер в записке о торговле с Китаем, составленной для великого князя Константина Николаевича, отмечает, что Сибирь «со временем отделится от России, почему и не следует давать ей средства к развитию промышленных её сил»³. Потенциальный сибирский и дальнево-

сточный сепаратизм служит аргументом не только в пользу сдерживания развития этих регионов, но и напротив – более активной государственной экспансии на восток для противодействия внешней угрозе. П. И. Небольсин пишет в 1848 г. отмечал: «Надобно убить этого врага, с корнем вырвать мысль, укоренившуюся в сибиряках, что Сибирь совсем не Россия, что Россия сама по себе, а Сибирь сама по себе»⁴.

Предварительно зафиксируем: легитимизация своих действий на востоке через нагнетание опасности внешней или внутренней угрозы является общим местом для значительного количества деятелей Дальнего Востока XIX в. Предположим, что аналогичные аргументы могли использовать и первые колонизаторы Сибири, обосновывая необходимость выделения для себя дополнительных ресурсов и в целом – для легитимизации похода на восток.

Можем ли мы на основе имеющихся материалов по освоению Дальнего Востока реконструировать мотивы его первых колонизаторов? На этот вопрос следует ответить положительно. Возьмём для примера три фигуры с совершенно разными статусами и судьбой – Е. П. Хабаров, Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьёва-Амурского. Ерофей Хабаров, ставший к началу 1640-х гг. одним из крупнейших хлеботорговцев в Якутском уезде, подвергся фактической национализации своего предприятия и продукции, в 1643 г. попал в тюрьму за отказ снабжать якутскую казну деньгами. Но даже он, пережив такого рода события, в мае 1650 г. по итогам похода на Амур (закончившегося взятием пяти даурских крепостей) сделал доклад местному воеводе, а тот передал царю следующее: «Тебе государю будет прибыль большая, и в Якуцкой, государь, острог хлеба прислать будет не надобно, потому что... против всей Сибири место в том украшено и изобильно» [32, с. 21]. Е. П. Хабаров проявил себя как активный предприниматель в поисках новых рынков, однако противоречивую с точки зрения подготовленности затею с походом на Амур в 1650 г. он оправдывал государственной нуждой.

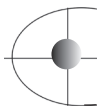
Аналогично поступает и Н. Н. Муравьёв-Амурский. Характерный эпизод, дошедший до нас, – разговор губернатора Восточной Сибири и императора, состоявшийся 22 апреля 1853 г.: «[Император] показывает

¹ Егорычев И. Царский подарок от графа // Владивосток. – 2009. – № 2582. – С. 10.

² Котляр Н. В. Политическая география России. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2011. – С. 180.

³ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). – Ф. 224. – Оп. 1. – Д. 236. – Л. 161–162.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 18089. – Л. 1.

на карту Амура и устье и говорит: – Всё это хорошо, но Я ведь должен посылать защищать это из Кронштадта // – Можно и ближе, ваше величество, – говорит Муравьев, указывая на течение Амура. // – Ты право когда-нибудь сойдёшь с ума от Амура. // – Сами обстоятельства, государь, указывают этот путь, – был ответ Муравьева. // – Ну пускай же обстоятельства к этому приведут, а пока подождём» [25, с. 27].

Поход на Амур в середине XIX в., как и двумя столетиями ранее, по существу оставался мало подготовленным мероприятием, поскольку русским не было доподлинно известно реальное соотношение сил в этом регионе. Этот диалог губернатора и императора фактически демонстрирует нам не взаимодействие двух государственных деятелей, а стремящегося к активным действиям первопроходца и скептика, остужающего его пыл. Н. Н. Муравьев в этом и подобных текстах мало похож на бюрократа-губернатора, скорее, он лаконично смотрится в общем ряду первых колонизаторов востока страны по образу мысли и предпринимаемым мероприятиям. Таков, например, эпизод его прибытия на Камчатку и неоднозначная идея перенести сюда базу флота: «У него тут же на месте созревает грандиозный план обороны Петропавловска и укрепления его тремястами орудиями большого калибра, он лично, с обычною своею живостью, указывает начальнику Камчатки, где и как он должен поставить батареи, причём, ясно рисуя себе предстоящий образ действий противника» [Там же, с. 48].

Г. И. Невельской для Н. Н. Муравьева – своего рода критик. Адмирал трезво оценивает поступки и идеи, подобные камчатской: «Когда же я узнал о переносе порта в Петропавловск, не мог не выразить ему [Муравьеву] моё сожаление» [33, с. 72], – прежде всего (что вполне справедливо) в силу изолированности Камчатки от остальной России, что вызывало проблемы с продовольствием и прочими поставками.

Однако в ответственный момент и сам Г. И. Невельской поступает так же, как и его визави. В сентябре 1852 г. он по официальному заданию отправляется в амурский лиман и докладывает, что китайских поселений и войска там нет. В ответ на это сообщение Н. Н. Муравьев приказывает «не распространять исследований далее земли гиляков, обитающих по амурскому лима-

ну и в окрестностях Николаевска» [Там же, с. 153]. Однако адмирал не подчиняется. В частном письме губернатору он пишет: «Долгом моим считаю предворить Вас, что, сознавая тяжкую лежащую на мне нравственную ответственность за всякое с моей стороны упущение к отстранению могущей потери для России этого края, я во всяком случае решил действовать сообразно тем сведениям, которые ожидаю получить ...» [Там же]. Поступать сообразно собственным представлениям о необходимости в ущерб приказу – это, конечно, нетипичный поступок для военного, но вполне типичный для первопроходца.

В этих трёх совершенно разных историях мы наблюдаем один и тот же сценарий. У некоторого человека, явного «пассионария», есть идея, которую он стремится воплотить с использованием всех возможных имеющихся и потенциальных ресурсов. Для того чтобы оправдать (для себя и/или объектов внешних коммуникаций), используется идея «государственного блага» как наиболее безопасная и «проходная». В Даурии, на Камчатке или в устье Амура – везде находятся аргументы в пользу того, что именно такой ход действий, выгодный главному персонажу, является благом для государства. Оправдание действий (имеющих, как правило, известные внутренние мотивы) идеей государственной выгоды следует считать ещё одним имманентным свойством первопроходцев Сибири и Дальнего Востока.

Остановимся на ещё одном важном эпизоде, который часто дискутируется в исследованиях о колонизации Сибири и Дальнего Востока, – отношениях с местным населением Западной Сибири. Сведения о характере этих взаимоотношений являются полуполюгендарными и в общем тенденциозными, отражающими установки того или иного автора. Оригинальные тексты первопроходцев Восточной Сибири и Дальнего Востока также не делают акцент на этой проблеме, однако по отдельным упоминаниям целого ряда проблем и событий вполне можно реконструировать общую картину.

Во-первых, необходимо признать, что освоение земель, населённых аборигенами, не было «лёгкой прогулкой» с благодарностями от «освобождённых» народов. Значительное количество эпизодов агрессивного противостояния русским колонизаторам можно встретить в оригинальных описаниях

странствований Г. И. Шелихова. Так, например, он описывает происшествие на одной из стоянок своей экспедиции на острове Каяк в конце 1780-х гг.: «В самую полночь... сии дикине в превеликой толпе сошед с камня, на нас напали с такой жестокостью, что можно было помыслить, что совершенно достигнут они своего намерения» [34, с. 40].

Во-вторых, мы не встретим в воспоминаниях первопроходцев упоминания аборигенов в превосходном, либо хотя бы нейтральном ключе, тогда как упоминаний с негативной и даже уничижительной коннотацией – десятки. Так, тот же Г. И. Шелихов приписывает аборигенам (в данном случае алеутам) чревоугодие («ежели они имеют у себя что в запасе, то едят, не разбирая времени»), отсутствие минимальных санитарных ограничений («они нимало не брезгливы и глотают не только насекомых, кои беспрестанно по ним ползают, но и мокроту, из носу вытекающую») и даже гомосексуализм («киные удовлетворяют также похоти свои и противным природе образом по примеру камчадалов») [Там же, с. 83–85].

Наконец, первые колонизаторы прекрасно осознают условность присоединения аборигенов в русское подданство. Если в официальных донесениях они еще отчитываются об успехах по приведению аборигенов к присяге на верность русскому царю, то в материалах личного происхождения эти эпизоды почти всегда имеют некоторые оговорки. Так, например, описывает «присоединение» Сахалина в конце 1853 г. соратник Г. И. Невельского Н. В. Буссе: «Матросы выстроились в две шеренги; я, подняв флаг, встал перед ними. Скомандовав: “шапки долой” Невельской приказал спеть молитвы. Команда запела молитву “Отче наш”, потом спели “Боже царя храни”, раздалось русское ура, откликнувшееся на корабле, и Сахалин сделался русским владением. *Собравшиеся японцы и айны с удивлением смотрели на нас*» (выделено мною – С. Ч.) [35, с. 46]. Б. В. Струве, сопровождавший Н. Н. Муравьёва в экспедиции на Камчатку в 1849 г., описывает другой характерный эпизод: «Муравьёв хотел непременно видеть самое большое русское село Якутской области, Амгинскую слободу и для этого решился сделать порядочный круг... Каково же было наше удивление, когда мы убедились, что редкий из русских крестьян этой слободы умеет говорить по-русски» [36, с. 36].

Таким образом, мы явно наблюдаем неоднозначный характер взаимоотношений первых колонизаторов с местным населением. С приведёнными эпизодами весьма мало соотносится расхожая идея о «мирной крестьянской колонизации», имеющей цивилизаторское значение для покоряемых территорий. В своих воспоминаниях первопроходцы предстают типичными представителями метрополии на присоединяемых территориях с соответствующими взаимоотношениями с местным населением. При этом в искренности этих эпизодов сомневаться не приходится, достаточно лишь упомянуть, что сами авторы явно должны были быть заинтересованы в обратном и конструировать образы мирного сосуществования с аборигенами.

Проведённая реконструкция мотивов и целей первых колонизаторов Сибири на материалах дальневосточных первопроходцев основывается на существенном методологическом допущении о возможности суждения по аналогии на основании схожести деятельности и внешних условий их осуществления и следующей из этого возможности аналогичных «картин мира». Данный подход в настоящее время является общеупотребительным в психологии, однако он мало используется в исторических исследованиях. В силу отсутствия значительного количества примеров невозможно доказательно утверждать правильность такого подхода к историческим нарративам. Однако и в этом случае полученные в результате реконструкции выводы о целях и мотивах первых колонизаторов Сибири могут быть использованы в исторических дискуссиях.

На первый взгляд, ключевые идеи, сформулированные в ходе реконструирования, несколько противоречат устоявшимся образам отдельных героев и эпизодов первоначальной колонизации Сибири. Однако представляется, что речь идёт, прежде всего, об искусственно упрощённых характеристиках тех или иных субъектов колонизации и их действий; приводимые по аналогии суждения, таким образом, существенно дополняют и усложняют наши представления об известных событиях.

Заключение. Представленный в исследовании инструмент исторической реконструкции позволяет не противопоставлять покорение Сибири и Дальнего Востока (традиционный путь), а использовать имеющи-

еся материалы как взаимодополняющие. На основе имеющихся «дальневосточных» материалов личного происхождения в исследовании выдвинут ряд гипотез о целях и мотивах первых колонизаторов Сибири, представлены гипотезы о «человеческом измерении» их поступков, проанализированы идеи о «государственном благе» как инструменте оправдания авантюристических идей, представлены инструменты легитимизации походов на новые земли, описаны возможные сценарии взаимодействия с местным населением. По результатам исследования делается вывод о необходимости отказа от упрощённых представлений о мотивах и целях первых колонизаторов Сибири и Дальнего Востока, связанных (в зависимости от убеждений оценивающего) с исполнением «имперской воли», романтизацией путешествий или «жаждой наживы». На основе материалов личного происхождения в исследовании предпринимается попытка реконструк-

ции сложно устроенной системы внутренней мотивации первых колонизаторов востока страны, в основе которой лежало стремление оправдать стимулируемые собственными мотивами действия идей противостояния внешней или внутренней угрозе, а также концепцией «государственного блага». При этом, как показано в работе, многие из предпринимаемых мероприятий основой имели решения, принимаемые эмоционально или ситуативно, исходя из текущей субъективной оценки складывающейся ситуации. Отдельно рассматриваются оценки колонизаторами взаимоотношений аборигенов и центральной власти, делается вывод о вполне осознаваемой первопроходцами условности перехода местных жителей в русское подданство.

Представленные гипотезы могут существенным образом дополнить представления о целях и мотивах первых колонизаторов Сибири и стать основой для дальнейших исторических дискуссий.

Список литературы

1. Адамов А. А. История археологических исследований в Тобольском музее // Ежегодник тобольского музея-заповедника. Тобольск, 2003. С. 138–156.
2. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. 607 с.
3. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 13. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1904. 532 с.
4. Кузнецов Е. В. Библиография Ермака. Тобольск, 1891. 34 с.
5. Сборник Императорского Русского Исторического Общества: в 148 т. Т. 129. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством. Ч. 1. 1556–1586 гг. СПб., 1910. 585 с.
6. Полное собрание русских летописей: в 43 т. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 387 с.
7. Тумилевич Т. И. Донские исторические предания о Ермаке: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Ростов н/Д., 1980. 26 с.
8. Введенский А. А. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири // Исторический сборник Киевского государственного университета. 1949. № 2. С. 5–45.
9. Бахрушин С. В. Русское продвижение за Урал // Научные труды: в 4 т. Т. 3. 1952–1959. М.: Наука, С. 137–162.
10. Галлямова Л. И. Дальний Восток в общероссийском пространстве: исторический опыт освоения и особенности региона // Вестник Дальневосточного отделения РАН. 2013. № 4. С. 9–17.
11. Баранникова Н. В. Заселение и освоение Дальнего Востока в современной дальневосточной историографии // Четвёртые архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой: материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: историческое наследие и современность». Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2012. С. 86–89.
12. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1983. 392 с.
13. Серкин В. П. Деятельностная теория сознания (сознание как атрибут системы деятельности субъекта) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 93–111.
14. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Процесс: Гнозис, 1992. 270 с.
15. Lantzeff G. V. Siberia in the 17th Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943. 235 p.
16. Kolarz W. Russia and Her Colonies. L., 1953. 334 p.
17. Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1952. Vol. 26, no. 4. Pp. 147–152.
18. Kusber J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // *Ab Imperio*. 2008. Vol. 4. Pp. 52–74.

19. Дьяченко Б. А. Три истории из жизни далёкой окраины. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1989. 278 с.
20. Красникова О. А. Ещё раз о находке архивных документов российско-американской компании в г. Вологде // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. Владивосток: Дальнаука, 2007. Т. 5, ч. 2. С. 101–111.
21. Никулина Н. В. Память о Ермаке // Быль Чусовских городков: краевед. сб. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 35–41.
22. Власова Е. Г. Ермак как произведение уральского ландшафта (на материале сылвенского сюжета уральской мифологии о Ермаке) // География и туризм. 2018. № 1. С. 113–117.
23. Ремнев А. В. Дальневосточный реванш Муравьёва-Амурского // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: историко-археологические исследования. Владивосток: Дальнаука, 2007. Т. 5, ч. 2. С. 239–240.
24. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьёв-Амурский. М.: Синодальная типография, 1891. 672 с.
25. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка: Типография штаба приамурского военного округа, 1891. 155 с.
26. Смирнов Е. Т. Приамурский край на Амурско-Приморской выставке 1899 г. в Хабаровске. СПб.: Альфарет, 2011. 676 с.
27. Сношения России с Дальним Востоком на протяжении царствования Дома Романовых. Речь, произнесённая профессором Восточного института Н. В. Кюннером 22 февраля 1913 года по случаю трехсотлетия Дома Романовых. Владивосток: РГИА ДВ, 2015. 66 с.
28. Троицкая Н. А. Изучение истории открытия и исследования дальневосточных земель по документам РГИА ДВ: итоги и перспективы // Во славу Отечества: жизнь и деятельность первопроходцев и исследователей земли дальневосточной: материалы регион. краевед. конф. (г. Советская Гавань, 18–20 сент. 2014 г.). Советская Гавань, 2015. С. 33–37.
29. Washington Irving. Chronicle of the conquest of Granada. Philadelphia: David McKay Publ, 1829. 528 p.
30. Щебеньков В. Г. К вопросу о присоединении к России Приамурского края // Материалы по истории Владивостока. Кн. 1. 1860–1917. Владивосток: Приморское книжное издательство, 1960. С. 5–17.
31. Станков П. Почему и как Камчатская морская вооружённая база была перенесена на Амур // Известия Приморского губернского архивного бюро. Владивосток, 1923. Т. 1, вып. 2. С. 22–31.
32. Алексеев А. И. Сыны отважные России. Магадан: Кн. изд-во, 1970. 368 с.
33. Невельской Г. И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855 гг. Владивосток; Южно-Сахалинск: Рубеж, 2013. 560 с.
34. Шелихов Г. И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к американским берегам. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1971. 176 с.
35. Буссе Н. В. Остров Сахалин и экспедиция 1853–1854 гг. Дневник 25 августа 1853 г. – 19 мая 1854 г. СПб., 1872 (отрывок) // Пути великих свершений. Значение Якутии в освоении Дальнего Востока. Владивосток: Русский остров. 2012. Т. 2. С. 44–66.
36. Струве Б. В. Воспоминания о Сибири (отрывки) // Пути великих свершений. Значение Якутии в освоении Дальнего Востока. Владивосток: Русский остров. 2012. Т. 2. С. 36–37.

Статья поступила в редакцию 12.07.2021; принята к публикации 28.08.2021

Сведения об авторе

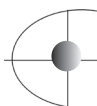
Чернышов Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет; 634028, Россия, г. Томск, ул. Ленина, 36; e-mail: 1502911@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>.

Библиографическое описание статьи

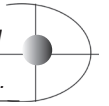
Чернышов С. А. Реконструкция мотивов и целей первых колонизаторов Сибири по материалам освоения русскими Дальнего Востока // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 6. С. 109–121. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-109-121.

References

1. Adamov A. A. History of archaeological research in the Tobolsk Museum. Yearbook of the Tobolsk Museum-Reserve. Tobolsk, 2003: 138–156. (In Rus.)
2. Miller, G. F. History of Siberia: in 2 volumes. Vol. 1. M., L.: Izd-vo AN SSSR, 1937. (In Rus.)

3. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. V. 13. Collection of annals, called the Patriarch or Nikon Chronicle. SPb., 1904. (In Rus.)
4. Kuznetsov, E. V. Bibliography of Ermak. Tobolsk, 1891. (In Rus.)
5. Collection of the Imperial Russian Historical Society. In 148 vol. Vol. 129. Monuments of diplomatic relations between ancient Russia and foreign powers: Monuments of diplomatic relations between the Moscow state and the Swedish state: Ch. 1: 1556–1586. SPb, 1910. (In Rus.)
6. Complete collection of Russian chronicles: in 43 volumes. V. 36. Siberian chronicles. Part 1. Group of the Esipov Chronicle. Moscow: Nauka, 1987. (In Rus.)
7. Tumilevich, T. I. Don historical legends about Ermak: abstract. dis. cand. Rostov-on-Don, 1980. (In Rus.)
8. Vvedensky, A. A. The Stroganovs, Ermak and the conquest of Siberia. Historical collection of Kiev State University no. 2. Kiev, 1949: 5–45. (In Rus.)
9. Bakhrushin, S. V. Russian advancement beyond the Urals. S. V. Bakhrushin. Scientific works: in 4 volumes. Moscow: Nauka Publ., 1952–1959: 137–162. (In Rus.)
10. Gallyamova, L. I. The Far East in the All-Russian Space: Historical Experience of Development and Features of the Region. Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, no. 4, pp. 9–17, 2013. (In Rus.)
11. Barannikova, N. V. Settlement and development of the Far East in modern Far Eastern historiography. Fourth archival scientific readings named after V. I. Chernysheva: Proceedings of the All-Russian Conference “The Far East of Russia: Historical Heritage and Modernity”. Khabarovsk: Khabarovskaya krayevaya tipografiya, 2012: 86–89. (In Rus.)
12. Leont'yev, A. N. Selected psychological works: in 2 volumes. Vol. 1. M: Pedagogika, 1983. (In Rus.)
13. Serkin, V. P. Activity theory of consciousness (consciousness as an attribute of the subject's system of activities). Psychology. Journal of the Higher School of Economics, no. 2, pp. 93–111, 2015. (In Rus.)
14. Lotman, Yu. M. Culture and explosion. M: Process: Gnosis, 1992. (In Rus.)
15. Lantzeff, G. V. Siberia in the 17th Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943. (In Engl.)
16. Kolarz, W. Russia and Her Colonies. L., 1953. (In Engl.)
17. Treadgold, D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier. Agricultural History, no. 4, pp. 147–152, 1952. (In Engl.)
18. Kusber, J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research. Ab Imperio, no. 4, pp. 52–74, 2008. (In Engl.)
19. D'yachenko, B. A. Three stories from the life of a distant suburb. Vladivostok: Dal'nevostochnoye knizhnoye izdatel'stvo, 1989. (In Rus.)
20. Krasnikova, O. A. Once again about the discovery of archival documents of the Russian-American company in Vologda. Russian pioneers in the Far East in the 17th–19th centuries: historical and archaeological research. Vladivostok: Dal'nauka, 2007: 101–111. (In Rus.)
21. Nikulina, N. V. Memory of Ermak. Story of the Chusovsky towns: collection of local lore. Ekaterinburg: izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000: 35–41. (In Rus.)
22. Vlasova, E. G. Ermak as a work of the Ural landscape (based on the Sylva plot of the Ural mythology about Ermak). Geography and tourism, no. 1, pp. 113–117, 2018. (In Rus.)
23. Remnev, A. V. Far Eastern revenge of Muravyov - Amursky. Russian pioneers in the Far East in the 17th–19th centuries: historical and archaeological research. Vladivostok: Dal'nauka, 2007: 239–240. (In Rus.)
24. Barsukov, I. Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky. M: Sinoidal'naya tipografiya, 1891. (In Rus.)
25. A brief outline of the occupation of the Amur region and the development of the combat forces of the Amur military district. Khabarovka: Tipografiya shtaba priamurskogo voyennogo okruga, 1891. (In Rus.)
26. Smirnov, Ye. T. Priamursky Krai at the Amur-Primorsky Exhibition in 1899 in Khabarovsk. Spb: Al'faret, 2011. (In Rus.)
27. Relations between Russia and the Far East during the reign of the House of Romanov. Speech delivered by Professor of the Oriental Institute N. V. Kühner on February 22, 1913 on the occasion of the three hundredth anniversary of the House of Romanov. Vladivostok: RGIA DV, 2015. (In Rus.)
28. Troitskaya, N. A. Studying the history of the discovery and research of the Far Eastern lands according to the documents of the Russian State Historical Archive of the Far East: results and prospects. For the glory of the Fatherland: life and work of pioneers and researchers of the Far Eastern land: proceedings of the conference. Sovetskaya Gavan, 2015: 33–37. (In Rus.)
29. Washington, Irving. Chronicle of the conquest of Granada. Philadelphia: David McKay Publ., 1829. (In Engl.)
30. Shcheben'kov, V. G. On the issue of the annexation of the Amur Territory to Russia. Materials on the history of Vladivostok. Book. first. 1860–1917. Vladivostok: Primorskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1960: 5–17. (In Rus.)
31. Stankov, P. Why and how the Kamchatka naval armed base was moved to the Amur. News of the Primorsky Provincial Archive Bureau. 1923. Vol. 1, no. 2. Vladivostok, 1923: 22–31. (In Rus.)
32. Alekseyev, A. I. Brave sons of Russia. Magadan: Kn. izd-vo, 1970. (In Rus.)

33. Nevel'skoy, G. I. The exploits of Russian naval officers in the Far East of Russia. 1849–1855. Vladivostok – Yuzhno-Sakhalinsk: Rubezh, 2013. (In Rus.)

34. Shelikhov, G. I. Russian merchant Grigory Shelikhov wanders their Okhotsk along the Eastern Ocean to the American shores. Khabarovsk: Khabarovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1971. (In Rus.)

35. Busse, N. V. Sakhalin Island and Expedition of 1853–1854. Diary August 25, 1853 – May 19, 1854 St. Petersburg, 1872 (excerpt). Ways of great achievements. The importance of Yakutia in the development of the Far East. Vol. 2 Vladivostok: Russkiy ostrov, 2012: 44–66. (In Rus.)

36. Struve, B. V. Memories of Siberia (excerpts). Ways of great achievements. The importance of Yakutia in the development of the Far East. Vol. 2. Vladivostok: Russkiy ostrov, 2012: 36–37. (In Rus.)

Received: July 12, 2021; accepted for publication August 28, 2021

Information about author

Chernyshov Sergey A., Candidate of History, National Research Tomsk State University; 36 Lenina ave., Tomsk, Russia, 634028; e-mail: 1502911@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3885-7125>.

Reference to the article

Chernyshov S. A. Reconstruction of the Motives and Goals of the First Colonizers of Siberia Based on the Materials of the Russian Colonization of the Far East // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 6. PP. 109–121. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-6-109-121.
